

ТВОРЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПЕРЕВОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ К ПЕРЕВОДУ ГАЗЕЛИ ХАФИЗА

С.Г. Сулова

Анализируется образно-семантическая структура одного из шедевров лирической поэзии Востока – газели Хафиза – и трудности, которые встают перед переводчиком в связи с истолкованием и воссозданием поэтических смыслов. Предлагается свой вариант перевода газели.

Ключевые слова: бейт; газель; персидская суфийская поэзия.

Об одном из величайших лириков классического средневековья, поэте мирового масштаба – Хафизе из Шираза, слава которого уже пережила его 600-летний юбилей, рассказывают сотни удивительных легенд и преданий.

С юности, прикоснувшись к сокровищнице восточной поэзии, я завидовала счастливым, которые родились с персидским языком на губах, впитали его с молоком матери, знают все его тончайшие нюансы и оттенки и могут по достоинству оценить поэтические шедевры Рудаки, Руми, Саади, Хайяма, Хафиза – всей многочисленной и знаменитой плеяды поэтов-суфистов. Всему остальному миру, обреченному читать в переложениях на другие языки эти бессмертные произведения, которые были и будут навсегда законной гордостью персоязычной литературы, приходится домысливать, а порой и верить на слово молве, насколько певучи, музыкальны, глубоки и искрометны эти произведения.

Хафиза перелагали в России Пушкин и Фет, он вдохновлял поэтов “серебряного века” – Вячеслава Иванова, Николая Гумилева, Игоря Северянина, Эдуарда Багрицкого (риску отнести

его как переводчика Хафиза к досоветскому поколению переводчиков) и др. Советское время вырастило целую плеяду переводчиков восточной поэзии – О. Румера, И. Сельвинского, И. Тхоржевского, Л. Пеньковского, С. Липкина, В. Державина, позже Г. Плисецкого, Б. Кушнера. Но несмотря на большую популярность в русской поэзии, с языка которой восточная лирика зачастую переводится на другие европейские языки, Хафиз не стал лидером в русских переводах из персидской классической поэзии. Более того, многие произведения этого непревзойденного поэта перелагались настолько вольно, что читателю практически выдавались за его жемчужины поэтические вариации самих переводчиков на “темы Хафиза”.

Многие его вещи мне посчастливилось читать в подстрочном переводе – спасибо моим русскоязычным коллегам из Таджикистана – народному поэту Таджикистана Гулрухсор Сафи, литературоведам Азиму Аминову, Рустаму Вахобову, поэту Сиявушу Джалилову, которые всегда охотно идут навстречу такому далеко не праздному любопытству, стремясь поделиться

с другими своим богатым классическим наследством. Более того, я выросла здесь, в Центральной Азии, и могу себе позволить, наряду с подстрочным переводом и грамотным толкованием ускользнувшего от русских переводчиков смысла стихов, насладиться хотя бы их звучанием на языке оригинала, а ведь такой возможности лишены тысячи и миллионы любителей тонкой и мудрой восточной поэзии.

Не желая быть голословной, приведу в пример перевод одной из газелей Хафиза. Эта его знаменитая газель о человеческом сердце, которое поэт вслед за своими великими предшественниками поэтами-суфиями считает инструментом познания Бога, *домом Божьим*, и сравнивает его с легендарной *чашей Джамшида* (этот легендарный символ имел и другое название: *зеркало Искандера*), вобравшей в себя весь огромный мир.

Эта газель Хафиза, как и все его удивительные произведения, полна ассоциативных связей, намеков, таинственных иносказаний и рассчитана на читателя, отлично осведомленного в легендарной истории Востока. Все это представляет огромную трудность для переложения на язык другой страны, другой культуры. Я уже не говорю о небывалой метафорической насыщенности поэтического языка Хафиза, каждый бейт которого несет такую большую смысловую нагрузку, какую, например, на русском языке не в состоянии вместить несколько двустиший.

Вот подстрочный перевод этой газели, выполненный Рустамом Вахобовым:

Годами сердце испрашивало у нас чашу (зеркало) Джамшида,

То, чем само владело, испрашивало у других;
Жемчуг, который находится не в раковине бытия и пространства,

Испрашивало (сердце) у потерявшихся на берегу моря.

Со своей проблемой вчера я обратился к старцу магов,

К тому, который через озарения решал загадки.

Я увидел его бодрым и улыбчивым с кубком вина в руках,

И в этом зеркале он словно рассматривал многие образы мира, его состояний и вещей.

Сказал: “Эту чашу (зеркало), отражающую весь мир, когда тебе дал Мудрец?”

Ответил: “Когда создавал этот лазурный небосвод.

Влюбленный, с которым всегда, во всех случаях Бог,

Не заметив этого, издали молится Богу”.

“Все эти свои фокусы (хитрости), которые он сотворил здесь,

Были подобны тому, что Саамири делал против Посоха и Белой Руки?”

Он (мудрец) сказал: “Тот друг, который дал почет виселице (был повешен), –

Его вина была в том, что он раскрывал тайны.

Благоденствия (милости) Святого Духа если вновь будут оказывать помощь,

И другие смогут делать все то, что делал Христос”.

Спросил я: “Для чего существуют цепи (локны) красавиц (идолов), правила, (формальности веры)?”

Ответил: “Потому что Хафиз часто жалуется на обезумевшее от любви сердце (чтобы сердце удерживать на земле и не стать вторым Мансуром)”.

Благодаря моим таджикским коллегам и давнему – с юности – увлечению поэзией суфистов, лично мне понятны многие иносказания Хафиза. Но, например, для русской аудитории просто необходимы некоторые пояснения.

Например, мало кто из русских читателей знает о выдающемся деятеле суфизма, багдадском подвижнике Мансуре Халладже, казненном в 992 г. по обвинению в вероотступничестве. Предание приписывает ему восклицание: “Я есмь Бог истинный!” За это откровение он был повешен. По мнению суфийских авторов, его вина состояла в разглашении тайны, доверенной ему Господом и являющейся небесным аналогом обетов, даваемых друг другу влюбленными. Для персоязычного читателя эти комментарии к стихам Хафиза излишни, равно как и многие другие. Например: *чаша Джамшида (зеркало Искандера)* – волшебное зеркало, в котором виден весь мир; *море* – здесь: мир божественной истины и любви; *старец магов* – виночерпий, духовный наставник; *Хаким* (синоним имени Бога); *Саамири* – имя колдуна, который боролся против религии Моисея, и в его отсутствие создал идола – *Золотого (говорящего) Тельца*, которого выдал за Бога; *Посох и Белая рука* – волшебный жезл (посох) Моисея.

Вот как звучит на русском языке эта газель в известном переводе Германа Плисецкого, признанного мастера перевода восточной поэзии:

Просило сердце у меня то, чем само владело:
В волшебной чаше увидеть оно весь мир хотело.

Жемчужина, творенья перл – всевидящее сердце

О подаянии слепца просило – и прозрело!

Свои сомненья в харабат понес я к старцу магов:

Мужей, желающих прозреть, там множество сидело.

Седой мудрец, навеселе, глаза уставил в чашу:
В ней все, что было на земле, пестрело и кипело.

Спросил: “Давно ли от вина ты глаз не отрываешь?” –

“С тех пор, как этот небосвод воздвигнут был умело!”

Прозренье сердца – свыше нам ниспосланное чудо,

Все ухищрения ума пред ним – пустое дело.

Тот, кто изрек: “Бог – это я!” – по мнению мудрейших

Казнен за то, что приоткрыл завесу слишком смело.

А у того, кто в сердце скрыл открывшееся свыше,

О миге истины в душе воспоминанье цело.

И если будет небесам ему помочь угодно,

Свершит он чудо, как Иса, вдохнувший душу в тело.

Всегда и всюду Бог – с тобой, а малодушный суфий

Не знал о том и призывал Аллаха то и дело.

Спросил Хафиз: “А почему любовь тяжка, как цепи?”

“Чтоб сердце, разума лишась, от сладкой боли пело!”

В этом добротном и основательном переводе, на мой взгляд, все же утеряно главное: легкость и певучесть оригинала, глубина намеков и та таинственная недосказанность, побуждающая читателя к размышлениям, которая подтверждает известную аксиому. Поэзия – *это то, что остается в сердце, когда слова забываются*. Кроме того, в русском варианте утерян бейт о кознях колдуна Самири против Моисея, вместо него объявился другой бейт – о “малодушном суфии”.

Я попробовала – для себя – переложить заново на русский язык эту удивительную газель. Вот итог моей скромной попытки:

Чашу Джама, выстрадав, сердце мнит обресть,

Но зеркало истины лишь оно и есть.

У ловцов ли спрашивать редкий дар глубин Раковине, спрятавшей в створках жемчуг весь?

Я пришел в сомнении к магу дел хмельных – Он ведь озарения рвет с ветвей небес.

Он глядел с улыбкою в кубок, словно в нем

Притаилась истина – тайн сокрытых весть.

“А давно ли, – спрашиваю, – мир ты зришь в вине?”

Кем Джамшида чаша сотворилась здесь?”

Отвечает: “Бездною – первой из чудес,

На лазурь небесную тот же шел замес.

В истину влюбленному открывает Бог

Сердце, тайны полное, чтоб он мог прочесть”.

Возразил я: “Даром ли Самири-колдун Все хитрил, чтоб чарами жезл Мусы увесть?”

Он ответил: “Виселище оказавший честь –

Винovat, что истину открывал, как есть!

Всяк – Христос, кто рвением явит благовест.

Только Бог прозрение нам дает, как крест...”

Я спросил, мол, цепи те – божьим душам мечь?

Чтоб Хафиз – пусть в трепете – жил, влюбленный, здесь!”

Мне тоже не удалось перенести в русский эквивалент всю неизъяснимую мистическую прелесть поэзии Хафиза, которая и составила ему славу неповторимого поэта, по дивану которого гадают, как по “Книге Книг”. Многие символы, особенно в 10-м и 11-м бейтах, пришлось истолковать, используя пласт русской ассоциативной культурной памяти, чтобы не утяжелить газель многочисленными сносками. “Крест” – “Голгофа” – “цепи запретов” – “якорь” для стремящихся вознестись к Богу влюбленных душ”... Используя эту ассоциативную связь, русский читатель может предаться размышлениям именно в том направлении, какое дает Хафиз, – иначе его гадания будут бесплодными.

Кстати, о гадании... Я тоже не удержалась и по томику стихов Хафиза “Вино вечности”, два года назад выпущенному московским издательством “ЭКСМО-Пресс”, загадала заветный вопрос: будет ли переведен Хафиз кем-либо достойно на русский язык, с которого его стихи переводят на другие языки мира, и смогу ли я внести свою посильную лепту в это прекрасное дело? И, раскрыв книгу наугад, я прочла:

На горе всем моим врагам, соперникам моим,

В стихах Хафизу равным стать – желание мое!

Надо же! Я даже самым близким людям никогда не выдавала этого тайного желанья, а Хафиз его прочел – через расстояние в шесть веков!

Я могла бы привести еще множество примеров – как усредняется поэзия удивительного певца самого таинственного чувства на земле – любви и божественного познания, как выхолащивается через переводы самый дух его поэзии. Но, я думаю, достаточно и одного примера, поскольку каждый из вас знает об этих печальных метаморфозах, о которых говорил еще Гете, обогативший западную литературу – благодаря глубокому проникновению в многообразный и мудрый мир

Художественный перевод и межлитературный синтез в тюрко-славянском мире

поэзии Хафиза – истинными шедеврами поэтического творчества.

Но я завела свою речь вовсе не для того, чтобы констатировать сей удручающий факт. Я уверена, что настало время наследникам заново распорядиться своим несметным сокровищем и не “ставить на поток” дело перевода лучших образцов восточной поэзии, а подойти к этому поистине, как “к добыче радия”: небольшими

тиражами и небольшими объемами начать выпускать самые прекрасные и самые трепетные произведения своих классиков, подойдя к этому делу с любовью и осторожностью, призвав к нему самые талантливые силы – как персоязычных поэтов и литературоведов, так и иноязычных, работающих в самом тесном контакте, не жалеющих ни времени, ни сердца, ни таланта! Наши потомки, вероятно, будут нам благодарны за это.